

Изъ воспоминаній стараго офицера Гвардейскаго Экипажа.

Въ 1860 году праздновался юбилей Гвардейскаго Экипажа. Послѣ обычнаго въ этихъ случаяхъ парада и обѣда у Великаго Князя Константина Николаевича, (который былъ тогда генераль-адмиралъ и шефъ экипажа) императоръ Александръ II-й, подозвавъ насъ офицеровъ къ себѣ, обратился къ намъ съ такими (сколько помню) словами: „Знаете-ли вы, господа, исторію вашего экипажа? Вотъ она. Въ 1807 году, какъ вамъ извѣстно, происходило свиданіе императора Александра 1-го съ императоромъ Наполеономъ. Ни тотъ ни другой изъ нихъ не желали сдѣлать перваго шага на встрѣчу другого, и потому придумано было свиданіе на пограничной рѣкѣ; по срединѣ Нѣмана былъ поставленъ плотъ. Оба императора должны были отвалить на катерахъ одновременно каждый отъ своего берега и одновременно пристать къ плоту съ своей стороны. Катеръ Наполеона былъ великолѣпный, балдахинъ изъ пунцоваго бархата съ золотыми кистями, корона, императорскіе эмблемы, гребцами 12 видныхъ и отлично одѣтыхъ моряковъ; словомъ, все было очень внушительно и великолѣпно. Катеръ Александра 1-го значительно уступалъ своимъ внѣшнимъ видомъ катеру Наполеона; гребцами на немъ были Донскіе казаки, рослые и лихіе ребята, но моряки очевидно плохіе. Они не рассчитали силы теченія, ткнулись носомъ катера въ плотъ, пристали не по морскому. Получился легкій конфузъ; сравненіе было для насъ невыгодное. Послѣ историческаго свиданія, императоръ Александръ 1-й, провожая Наполеона до его катера, спросилъ у него, какой команды его гребцы. Наполеонъ отвѣчалъ, что въ составѣ его гвардіи имѣется баталіонъ гвардейскихъ *) моряковъ, сопутствующій ему въ походахъ и служащій для переправы черезъ рѣки и для водныхъ сообщеній вообще. Александръ 1-й приказалъ одному изъ своихъ прибли-

*) Bataillon des marins de la garde.

женныхъ лицъ собрать болѣе подробныя свѣдѣнія и по возвращеніи въ Петербургъ сформировалъ нынѣ существующій Гвардейскій Экипажъ“.

Этотъ подлинный разсказъ я удостоился слышать изъ устъ столь авторитетнаго разсказчика. Само собою разумѣется, что за давностію времени не могу поручиться за подлинную точность въ словахъ разсказа, но ручаюсь, что точный смыслъ его былъ именно таковъ.

Изъ времени моего служенія въ Гвардейскомъ Экипажѣ мнѣ особенно памятенъ день 19 Февраля 1861 г. Онъ приходился на Воскресеніе первой недѣли великаго поста. Въ этотъ день, какъ это было обычно въ царствованіе императора Александра II-го, въ Михайловскомъ манежѣ происходилъ такъ называемый разводъ съ церемоніей одному изъ гвардейскихъ полковъ. По окончаніи развода раздался громкій, но какъ-бы слегка надтреснутый голосъ Государя: „господа офицеры, ко мнѣ!“ Всѣ бросились съ своихъ мѣстъ и кольцомъ окружили Государя. „Я сегодня подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ“, сказалъ Государь. „Вы всѣ здѣсь дворяне, и я увѣренъ, что вы мнѣ сочувствуете“. Никогда не забуду я „стихійнаго“ энтузіазма, охватившаго офицерство послѣ этихъ словъ. Раздалось могучее ура, потрясшее своды манежа. Кэпи и каски замелькали въ воздухѣ, офицерство перемѣшалось въ чинахъ и рангахъ; бросилось къ Царю, и его подняли на руки и вынесли на площадь въ сани. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ Русское дворянство, состоявшее въ рядахъ гвардіи, встрѣтило первую вѣсть объ освобожденіи крестьянъ непосредственно изъ устъ Царя-Освободителя. Чтò происходило за симъ за стѣнами манежа, на площади, я не видалъ и не знаю, но мнѣ неоднократно за тѣмъ приходилось видѣть извѣстную картину Французскаго художника (кажется, Рубѣ), изображающую выходъ императора Александра II на площадь зимняго дворца чрезъ нѣсколько дней послѣ манифеста; площадь на этой картинѣ покрыта народомъ, многія фигуры колѣнопреклоненны, другія воздымають руки къ Небу. Немало театральныхъ, изысканныхъ позъ. На всей картинѣ приподнятый тонъ Французскаго отпечатка. Происходило-ли что лицо подобное въ дѣйствительности, или это была мечта художника, я не знаю. но лично долженъ засвидѣтельствовать, что никакихъ проявленій народнаго восторга отъ вышедшей воли я не видалъ и не наблюдалъ, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ деревняхъ среди крестьянскаго люда Тульской и Казанской губерній, куда я вскорѣ отправился. Было, если могу такъ выразиться, какое-то притупленное выраженіе чего-то выжидательнаго: „что-то молъ будетъ?“ Чтò касается до внѣшнихъ проявленій чувства по поводу наступившей воли, то народъ и тутъ

по пушкински въ эпоху Бориса Годунова безмолвствовалъ. Не беру на себя задачи анализировать эту психологическую черту въ характерѣ Русскаго народа; могу лишь напомнить, что при другихъ явленіяхъ, казалось-бы несравненно менѣе важныхъ и не имѣющихъ къ этому народу непосредственнаго отношенія, народъ заявлялъ себя гораздо ярче, напр. во время войны Сербіи съ Турціей въ 1875—1876 годахъ, когда наши добровольцы приняли въ ней такое участіе. Москва, ея площади, улицы и Курскій вокзалъ, съ котораго провожали добровольцевъ въ Сербію, представляли собою взбаламученное море, и можно было наблюдать картины неподдѣльнаго народнаго энтузіазма. Такое-же явленіе можно было наблюдать и въ Петербургѣ въ эпоху прибытія въ 1891 году Французской эскадры адмирала Жерве. А казалось-бы, что общаго между Сербскою войной, Франко-Русскимъ союзомъ и паденіемъ крѣпостнаго права?

Вскорѣ, какъ извѣстно, послѣ крестьянскаго освобожденія вспыхнулъ Польскій мятежъ, и въ усмиреніи его Гвардейскій Экипажъ принялъ непосредственное участіе: двѣ роты были командированы въ Варшаву, въ распоряженіе намѣстника Константина Николаевича; задачею нашей тамъ было охрана рѣки Вислы отъ переправъ черезъ нее повстанческихъ бандъ.

Слѣдующимъ историческимъ моментомъ за время моей службы въ Гвардейскомъ Экипажѣ было 4 Апрѣля 1866 года. Въ этотъ день раздался выстрѣлъ Каракозова въ императора Александра II-го, выходящаго изъ лѣтнаго сада. Это было первое по времени покушеніе на Царя-Освободителя, поведшее за собою впослѣдствіи рядъ другихъ и завершившееся злополучнымъ днемъ 1-го Марта 1881 г. Событіе это было потрясающимъ и всколыхало все общественные круги; долженъ однако означить, что и тутъ народныя массы по отношенію къ внѣшнимъ проявленіямъ чувства безмолвовали. Все мельчайшія подробности этого потрясающаго событія чрезвычайно живы и по сей часъ въ моей памяти.

Вѣсть о покушеніи разнеслась молніей по городу. Все офицеры Петербургскаго гарнизона были экстренно потребованы въ зимній дворецъ. Прибывъ туда, я нашелъ все залы переполненными. Царило необычайное волненіе, многіе въ точности не знали, за чѣмъ ихъ потребовали во дворецъ. Въ нишѣ у окна Николаевскаго зала мы замѣтили между офицерами какого-то маленькаго худого человѣка съ жидкой бородкой, въ длиннополой мѣщанскаго покроя чуйкѣ. Близъ него стоялъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ; толпились любопытные, раздавались отдѣльные возгласы „Коммисаровъ“, „спасъ Царя“. Кто?

Что? Какъ? Никто доподлинно не зналъ. Но вотъ на площади раздались привѣтственные крики ура! Изъ арки главнаго штаба показалась царская карета съ стоявшимъ на запяткахъ высокимъ казакомъ. Государь и императрица возвращались съ благодарственнаго молебствія изъ Казанскаго собора. Черезъ нѣсколько минутъ Государь въ сопровожденіи императрицы и наслѣдника Александра Александровича вошелъ въ Георгіевскій залъ. Оглушительное ура потрясло зданіе дворца, все бросилось впередъ, все перемѣшалось. Тутъ, какъ и въ Михайловскомъ манежѣ, не было различія въ чинахъ и званіяхъ, всякая воинская дисциплина ушла вдаль, точно ея никогда и не было. Стоялъ стонъ, султаны мелкали въ воздухѣ, шапки летѣли въ верхъ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Государь поднялъ руку въ верхъ и потребовалъ молчанія. Постепенно все стихло. Раздался взволнованный голосъ Государя. „А гдѣ-же мой спаситель?“ спросилъ онъ. Толпа разступилась, и впередъ вышелъ маленькій человѣчекъ въ длинной чуйкѣ, за нимъ шелъ Тотлебенъ. Государь положилъ этому человѣчку руку на плечо и, сильно волнуясь, произнесъ: „Я... Я... дѣлаю тебя дворяниномъ! Надѣюсь, господа, что вы меня одобряете!“

Послѣдовала новая грандіозная овація. Императрица склонилась на плечо маленькаго человѣчка, стала его обнимать и зарыдала. У Наслѣдника изъ глазъ градомъ капали слезы, маленькій человѣчекъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Кто присутствовалъ при этой трогательной сценѣ, тотъ конечно не забудетъ ея во всю жизнь. Черезъ нѣсколько дней, на Маріинскомъ театрѣ шла опера „Жизнь за Царя“. Никакого предварительнаго извѣщенія о чемъ-либо экстраординарномъ не было, но публика это инстинктивно чувствовала и наполнила театръ сверху до низу. Въ боковой царской ложѣ показался Государь, окруженный всей царской фамиліей. Энтузіазмъ, съ которымъ его привѣтствовали, не поддается описанію. Народный гимнъ повторялся нѣсколько разъ подъ рядъ при восторженныхъ кликахъ. Съ начала спектакля одна изъ ложъ второго яруса довольно долго оставалась пустою, но вотъ дверь порывисто отворилась, и въ ложу вошелъ видѣнный мною во дворцѣ маленькій человѣчекъ. На немъ была на сей разъ новая чуйка; съ нимъ вошла его жена въ пестромъ ситцевомъ платкѣ и въ большомъ желтомъ платкѣ съ пунцевыми разводами на головѣ, очевидно прифрантившаяся. За ними почтительно и съ официальнымъ видомъ слѣдовалъ плацъ-адъютантъ.

„Коммисаровъ!“ Вся зала поднялась на ноги, какъ одинъ человѣкъ, и послѣдовала восторженная овація, замелькали въ воздухѣ платки, шляпы, потребованъ гимнъ, и долго не прерывались оглуши-

тельные рукоплесканія. Маленькій человѣчекъ, очевидно оглушенный бурными привѣтствіями по его адресу, усиленно кланялся на всѣ стороны, мотая головой съ длинными рѣдкими бѣлокурыми волосами; но еще усерднѣе кланялась въ поясъ его жена, очевидно принимая и на себя долю происходящихъ овацій, что, вопреки торжественности минуты, имѣло отгѣнокъ нѣкотораго комизма.

„На сцену! На сцену!“ раздались голоса, и Коммисарова вывели на сцену; тамъ его окружила вся труппа въ костюмахъ. Оваціи и сцены и залы слились въ одинъ общій гулъ, до того оглушительный, что бѣдный Коммисаровъ наконецъ не выдержалъ: онъ кланялся, кланялся во всѣ стороны и вдругъ, схвативъ себя руками за уши, опрометью убѣжалъ за кулисы. Въ одномъ изъ антрактовъ на сценѣ появился поэтъ Апполонъ Майковъ и съ большимъ подъемомъ прочелъ свое стихотвореніе. Нѣсколько строкъ изъ него у меня до сихъ поръ въ памяти:

„Кто-жь онъ злодѣй? Откуда вышелъ онъ?“

„Изъ шайки-ли злодѣйской“

„Что революціей зовется Европейской?“

„Кто-бъ ни былъ онъ, онъ намъ чужой“,

„И нѣтъ ему корней, ни въ нынѣшней живой“

„Ни въ исторической (указывая на декораціи) Россіи!“

Стихотвореніе было повторено дважды, при бурныхъ рукоплесканіяхъ публики.

Слѣдуетъ къ этому добавить, что въ тотъ день еще не было извѣстно настоящее имя преступника, и въ публикѣ поддерживалось убѣжденіе, что онъ непременно Полякъ. Лишь черезъ нѣсколько дней стало извѣстнымъ, что преступникъ Каракозовъ, мелкопомѣстный дворянинъ Саратовской губерніи. Но Коммисаровъ сдѣлался положительно героемъ дня. Проходя однажды по Большой Морской мимо дома бывшего Руадзе, я увидалъ на панели толпу женщинъ у подъѣзда, ожидавшихъ своей очереди; многія изъ нихъ были съ бумагами въ рукахъ. Полюбопытствовавъ узнать въ чемъ дѣло и кого онѣ ждутъ, я обратился съ вопросомъ объ этомъ къ одной изъ женщинъ. Она отвѣтила мнѣ, что идутъ съ прошеніями къ Осипу Ивановичу (Коммисарову) и высказала что-то несуразное по отношенію къ своей личной просьбѣ. „Да что-же можетъ для васъ сдѣлать Коммисаровъ?“ спросилъ я. „Осипъ-то Иванычъ? возразила она, да онъ все можетъ: ему стоитъ слово сказать Царю, все сдѣлаютъ“. Въ какой степени удовлетворилъ эту просительницу Коммисаровъ, я, разумѣется, не знаю.

Мнѣ довелось за тѣмъ еще дважды встрѣтить Коммисарова. Спустя нѣкоторое время послѣ 4 Апрѣля, Петербургское дворянство въ ознаменованіе чудеснаго спасенія Государя давало въ своихъ залахъ балъ. На этомъ балу Коммисаровъ появился въ дворянскомъ мундирѣ, при шпагѣ и съ треуголкой въ рукахъ. Онъ былъ тщательнo подстриженъ и причесанъ. Грѣшный чедовѣкъ, мнѣ какъ-то невольнo стало жаль его длиннополой чуйки. Затѣмъ, еще нѣсколько лѣтъ спустя, въ одинъ лѣтній вечеръ меня обогналъ на Невскомъ проспектѣ гусарскій офицеръ. Кэпи его было лихо загнуто на бекрень, шпоры звякали, и сабля гремѣла по мостовой. Черты лица этого офицера показались мнѣ знакомы. Случай свелъ насъ въ табачномъ магазинѣ Бостанжогло. „Знаете кто этотъ офицеръ?“ спросилъ меня приказчикъ (когда офицеръ вышелъ). Это „Коммисаровъ“.

Коммисаровъ былъ переименованъ въ Коммисарова-Костромскаго; ему было куплено значительное имѣніе на родинѣ Сусанина въ Костромской губерніи. Онъ тамъ и поселился и вскорѣ умеръ, запивъ, по слухамъ, горькую, и очевидно не выдержалъ своего случайнаго величія.

Преступникъ Караѳозовъ былъ судимъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, присужденъ къ смертной казни и казненъ. Непосредственнымъ сообщникомъ Караѳозова, и притомъ, если не ошибаюсь единственнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ задуманному царубійству, оказался нѣкто Ишутинъ изъ Москвы. Онъ былъ также приговоренъ къ смертной казни, но покойный нынѣ братъ мой, служившій въ то время статъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, имѣлъ случай узнать, что Ишутинъ будетъ помилованъ Государемъ, на мѣстѣ казни, на самомъ эшафотѣ, по совершеніи всѣхъ предварительныхъ обрядностей. Сообщая мнѣ это подъ большимъ секретомъ, братъ сказалъ мнѣ, что еслибъ онъ доподлиннo не зналъ, что казнь не совершится, онъ бы не поѣхалъ ее смотрѣть, но разъ что будетъ исполнена лишь одна обрядность, предложилъ мнѣ поѣхать. Запасшись съ вечера извощикомъ, мы рано утромъ выѣхали на мѣсто казни, на Волково поле за Смоленскимъ кладбищемъ. Уже на улицахъ, не смотря на раннее время, замѣтно было особое оживленіе; не только шли толпы пѣшеходовъ, очевидно привлекаемые рѣдкимъ зрѣлищемъ (казни въ то время были рѣдкостію) но попадались и экипажи съ элегантными дамами. На Волковомъ полѣ было сплошное море головъ. Въ толпѣ шныряли юркіе промышленники, точъ въ точъ какъ на военномъ зрѣлищѣ, предлагая лѣстницы, табуреты и скамейки для лучшаго лицезрѣнія. Подошелъ такой и къ намъ; мы сторговались. Промышленникъ потребовалъ деньги впередъ. Отдавая ему, братъ шутя сказалъ: „а если не повѣсятъ, тогда деньги

назадъ?“ „Когда не повѣсятъ!“ бойко отвѣчалъ юркій мальчишка, „видите и висѣлица, готова, и все такое; будьте покойны, повѣсятъ лучшимъ манеромъ“. Мы помѣстились на поставленной имъ скамейкѣ. Показалась колесница, или лучше сказать телѣга съ возвышеніемъ; на немъ сидѣлъ приговоренный, обращенный спиною къ лошадямъ, на груди его была привязана доска съ надписью „Царубійца“. На телегѣ возвышался палачъ въ красной рубашкѣ. За поѣздомъ шель внушительный отрядъ военной стражи. Приговореннаго возвели на эшафотъ, аудиторъ сталъ читать приговоръ, испещренный статьями Уложенія; читалъ онъ томительно долго. Чтò долженъ былъ перечувствовать во время этого чтенія осужденный, можно себѣ представить. Затѣмъ къ осужденному подошелъ старенькій священникъ въ ветхой черной рясѣ, крестъ въ его рукахъ видимо дрожалъ. Осужденный что-то пошепталъ ему на ухо. Палачи надѣли на осужденнаго бѣлый балахонъ, на голову колпакъ, накинули петлю на него.... Мы съ братомъ переглянулись, „да что-же это?“ прошепталъ слегка поблѣднѣвшій братъ, „я самъ видѣлъ высочайшую резолюцію; онъ помилованъ“... Въ это время въ толпѣ произошло движеніе, отъ куда-то появился конный фельдъегеръ съ бумагой въ рукахъ. Ишутину дарована жизнь, и смертная казнь замѣнена безсрочной каторжной работой. Но вотъ тутъ-то въ толпѣ произошло нѣчто достопримѣчательное: мальчишка, собственникъ скамейки, на которой мы стояли, очевидно памятуя и принимая въ серъезъ нашу шуточную угрозу потребовать назадъ деньги, если казнь не состоится, растерянно взглянулъ на насъ, отчаянно махнулъ рукой и, быстро повернувшись, бросился бѣжать по діагонали площади. Кругомъ раздался громкій хохотъ, а въ догонку мальчишки понеслись крики: Стой! Стой! держи его, деньги назадъ! Но мальчишка улепетывалъ во всю, только, чтò называется, пятки его сверкали. Воспроизводя эту картину (можно сказать съ фотографическою точностію) я призываю на нее вниманіе членовъ Думы, которымъ, кажется, въ недалекомъ будущемъ предстоитъ высказаться по вопросу о смертной казни, самъ же воздержусь отъ всякихъ коментаріевъ.

Возвращаюсь къ предмету настоящихъ замѣтокъ т. е. къ Гвардейскому Экипажу.

Я перешелъ изъ флота въ Гвардейскій Экипажъ въ 1859 г. Переходъ этотъ тогда (да и теперь вѣроятно) совершался непрямо: требовалось шестимѣсячное прикомандированіе для испытанія въ знаніи строевой службы, т. е. ротного ученія, построеній и пр. и, какъ кульминаціоннаго пункта всего этого, церемоніальнаго марша. Экзаменъ въ этихъ познаніяхъ производилъ начальникъ 1-й гвардейской дивизіи

генераль-адъютантъ Гильденштубе*), вполсѣдствіи командовавшей войсками Московскаго военнаго округа, умершій въ званіи члена Государственнаго Совѣта. Гильденштубе былъ типъ гвардейскаго придворнаго генерала, высокій, видный, бравый. Онъ, не взирая на свое несомнѣнное Нѣмецкое происхожденіе, старался казаться Русскимъ военнымъ служакою и подшучивалъ съ солдатами Русскими прибаутками. Начальникомъ штаба его дивизіи, былъ и нынѣ благополучно здравствующій Х. Х. Роопъ, въ то время юный полковникъ Генеральнаго Штаба, до такой степени юный, краснощекій, что когда онъ появлялся, напримѣръ въ театрѣ, то обращалъ на себя общее вниманіе розовымъ румянцомъ во всю щеку. Зимняя строевая служба гвардейскаго экипажа въ мое время (не знаю, какъ теперь) ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ полковъ гвардіи; мы также занимали въ свою очередь городскіе караулы, ходили на ученья и безконечныя репетиціи развода съ церемоніей въ Михайловскій манежъ, на смотры и парады, при чемъ церемоніальный маршъ въ то время (не знаю, какъ теперь) игралъ первенствующую роль. Какъ велико было его значеніе, приведу сохранившееся доселѣ въ моей памяти зрѣлище малорослаго и очень тучнаго генераль-адъютанта Дрентельна (вполсѣдствіи шефа жандармовъ) запыхавшагося, бѣгавшаго по манежу на коротенькихъ ножкахъ, съ солдатскимъ ружьемъ на плечѣ: онъ показывалъ вновь вводимый бѣглый шагъ, какого-то укороченнаго и ускореннаго темпа. Толпа солидныхъ генераловъ внимательно и сосредоточенно слѣдила за его движеніями, видимо стараясь усвоить себѣ тайну премудрости этого шага. Въ строевыхъ эзерціяхъ и церемоніальномъ маршѣ Гвардейскій Экипажъ не только не уступалъ лучшимъ полкамъ гвардіи, но часто превосходилъ ихъ, состоя изъ людей сравнительно болѣе развитыхъ чѣмъ пѣхотинцы. Въ составѣ экипажа были офицеры, настоящіе фрунтовики, ничѣмъ не отличавшіеся отъ специалистовъ-пѣхотинцевъ. Всѣ штабъ-офицеры экипажа и экипажный адъютантъ носили шпоры, и не безъ удали побрякивали ими. Правда, офицеры эти особенными морскими доблестями не могли отличаться, такъ какъ вся морская дѣятельность ихъ ограничивалась плаваніемъ на придворныхъ парусныхъ яхтахъ между Петергофомъ и Кронштадтомъ. Въ мое время Гвардейскимъ Экипажемъ командовалъ контръ-адмиралъ свиты Аркасъ. Уроженецъ Юга. Греческаго происхожденія, онъ началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ и тамъ онъ, говорятъ, слылъ за отличнаго моряка-парусника, однажды удивившаго своихъ сослуживцевъ какимъ-то лихимъ маневромъ подѣ

*) Уроженецъ острова Эзеля. „Дылда въ шубѣ“, какъ его звали въ Москвѣ солдаты. Его, впрочемъ, въ Москвѣ любили. П. Б.

парусами въ какой-то узкости, но о какомъ-либо его участіи въ Севастопольской оборонѣ слышно не было, за то онъ былъ директоромъ вновь образованнаго „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“ и составилъ себѣ значительное состояніе. Переселившись въ Петербургъ на новое поприще дѣятельности, сдѣланный эскадръ-маіоромъ (что нынѣ флагъ-капитанъ), зачисленный въ свиту и получивъ въ командованіе Гвардейскій Экипажъ, онъ сразу скинулъ съ себя Черноморскую оболочку, если она на немъ была, и явилъ собою образецъ вполне придворнаго Петербургскаго генерала. Службистъ, педаантъ, вникавшій въ мельчайшія подробности хозяйственнаго быта своего экипажа, въ отношеніяхъ своихъ къ офицерамъ онъ, какъ это говорится, мягко сталъ, но было жестко спать. Въ домашней жизни, и внѣ круга своихъ служебно-свѣтскихъ отношеній, онъ былъ прекрасный семьянинъ, большой домосѣдъ, богомоль. Общеніе его съ офицерами ограничивалось тѣмъ, что онъ приглашалъ ихъ по Воскресеньямъ по нѣсколько человекъ къ обѣду, за которымъ было все чрезвычайно умѣренно и аккуратно, отъ кушаній и винъ до разговоровъ включительно. Послѣ обѣда приглашенные офицеры, чинно посидѣвъ въ гостинной съ хозяйкой дома положенное время, спѣшили надѣть свои кортики и, разобравъ фуражки, съ облегченнымъ сердцемъ возвращались домой. Впослѣдствіи онъ былъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ.

Старѣйшимъ за нимъ офицеромъ въ экипажѣ былъ капитанъ 1-го ранга П. В. Фалкъ, впослѣдствіи командовавшій экипажемъ, впрочемъ очень недолгое время. Это былъ образецъ служаки Нѣмецкаго покроя. Высокій, нѣсколько сутуловатый, съ нерусскимъ выговоромъ, плотно затянутый въ мундиръ, онъ, когда былъ при шпорахъ, казался вполне сухопутнымъ, пѣхотнымъ штабъ-офицеромъ. Тѣмъ не менѣе онъ командовалъ, и при томъ очень продолжительное время до контръ-адмиральскаго чина включительно, царской яхтой Александріей, чего достигъ отличаясь замѣчательной виртуозностью въ искусствѣ приставанія яхты къ Петергофской пристани. Очень памятенъ мнѣ жестокой нагоняй, который далъ ему однажды покойный Государь Александръ II-й на яхтѣ „Александрія“, замѣтивъ у него край воротничка рубашки слегка выглядывавшій изъ за галстука. Государь, обыкновенно кроткій, казался не на шутку разсерженъ. А не много лѣтъ спустя, когда морякамъ дали новую форму сюртуковъ съ отложными воротниками и открытыми жилетами, офицеры стали щеголять выставкою бѣлья съ высочайшими отложными и загнутыми воротничками à la jockey-club. Вотъ какъ моды измѣнчивы!

Слѣдуетъ упомянуть также и о командовавшемъ въ послѣдствіи экипажемъ капитанъ 1 ранга Д. З. Головачевъ. Въ противоположность Фалку, это былъ совсѣмъ маленькій круглый человѣчекъ, необыкновенно подвижной. Командуя въ мое время батальйономъ, онъ, вопреки своему малому росту, былъ прямо величественъ верхомъ. Отличный строевикъ, онъ въ тоже время былъ и лихимъ морякомъ. Въ дни кутежей и пирушекъ на судахъ онъ лихо отплясывалъ съ матросами трепака и былъ вообще очень любимъ ими. Помимо этого, онъ отличался большою находчивостью, немало способствовавшю его служебнымъ успѣхамъ.

Но полнаго своего блеска Гвардейскій Экипажъ достигъ за время командованія имъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Сравнительно скромный до того составъ офицеровъ смѣнился представителями самыхъ аристократическихъ и богатыхъ нашихъ фамилій; моряки какъ-то сразу вдругъ вошли въ моду и стали героями великосвѣтскихъ салоновъ, и по количеству князей и графовъ, экипажъ за это время могъ-бы соперничать съ первыми полками гвардейской кавалеріи, и я думаю, что взялъ-бы въ этомъ отношеніи первую премію. Немало способствовалъ этому оживленію и самъ императоръ Александръ III-й, вообще очень любившій флотъ, моряковъ и морскія путешествія. Надо думать, что за это время на содержаніе экипажа отпускались и особыя суммы, такъ какъ казармы значительно перестроены и улучшены, создавалась такъ называемая зимняя каютъ-компанія для офицеровъ, роскошнѣйшее помѣщеніе, изображающая комфортабельный клубъ для офицеровъ съ богатѣйшимъ серебромъ и великолѣпной обстановкой (намъ же въ наше время, на дежурствѣ по экипажу, приходилось пробавляться обѣдомъ изъ ближайшей кухмистерской). Словомъ, все приняло грандіозныя по внѣшности размѣры; получилась подлинная морская гвардія, какъ-бы въ противовѣсъ *армейскому* флоту.

Коснувшись этой стороны дѣла, я считаю нужнымъ на ней остановиться. По самому существу дѣла, могутъ-ли быть во флотѣ, наподобіе сухопутныхъ войскъ, гвардія и армія? Очевидно нѣтъ. Флотъ есть флотъ. На самомъ дѣлѣ, никакой морской гвардіи у насъ и не существуетъ, т. е. нѣтъ того существеннаго различія по отношенію къ преимуществамъ и правамъ службы какъ въ сухопутныхъ войскахъ. Но нѣкоторые изъ этихъ отличій и преимуществъ однако въ дѣйствительности имѣются. Въ Гвардейскій Экипажъ берутся изъ флота лучшіе, отборные матросы, а для офицеровъ хотя не требуется какихъ либо отличій или служебныхъ заслугъ, но нужна нѣкоторая протекція, связи, виѣшняя представительность и извѣстная матеріальная обеспеченность,

въ чемъ въ мое время отъ офицеровъ бралась даже подписка. Въ самой формѣ одежды даже существуетъ различіе: погоны и подбой на офицерскихъ эполетахъ красные, гвардейскіе, имѣются излишнія петлички и болѣе богатое шитье на воротникахъ мундировъ, сукно на мундирахъ у матросъ тоньше чѣмъ во флотскихъ экипажахъ такъ называемое гвардейское, и общее довольствіе командъ изобильнѣе.

Справедливы-ли всѣ эти преимущества для чиновъ одного и того же флота? Какъ бы то ни было, эти преимущества, можетъ быть, и не значительныя сами по себѣ, причиною того, что Гвардейскій Экипажъ не пользуется особыми симпатіями въ средѣ моряковъ, особенно же моряковъ Черноморского флота.

Обращаясь за тѣмъ къ еще болѣе отдаленнымъ временамъ моихъ воспоминаній, скажу о своей службѣ еще въ качествѣ гардемарина въ отрядѣ канонирскихъ лодокъ Гвардейскаго Экипажа въ 1854 году, во время блокады Кронштадта Англо-Французскимъ флотомъ. Когда нашъ парусный флотъ подъ командой адмирала Риккорда, хотя и значительный по числу судовъ и состоявшій изъ трехъ дивизій линейныхъ кораблей, былъ запертъ въ водахъ Кронштадта, лишень возможности выйти въ море и предпринять что либо рѣшительное противъ парового флота непріятели, приступлено было, и при томъ съ лихорадочною поспѣшностію, къ постройкѣ паровыхъ канонирскихъ лодокъ. Постройка производилась на Галерномъ островкѣ. Заложено было сразу 80 лодокъ. Постройкою завѣдывалъ тогдашній адъютантъ генералъ-адмирала, капитанъ 2-го ранга Шестаковъ*), впоследствии морской министръ, и принималъ непосредственное участіе самъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Работа, чтò называется, кипѣла. Мы, юные гардемарины, были расписаны по лодкамъ. Наши головы не могли не кружиться отъ мысли, что мы примемъ участіе въ войнѣ и что намъ дается возможность умереть за Царя и Отечество. Съ этою цѣлію, предусмотрительное начальство сочло нужнымъ передъ началомъ кампаніи вооружить насъ огромнѣйшими револьверами системы Кольта (такой револьверъ хранится у меня и по сіе время), и изъ него я не преминулъ однажды выстрѣлить въ непріятели, въ Англійскую канонирскую лодку, производившую промѣръ на сѣверномъ фарватерѣ и находившуюся отъ насъ примѣрно въ 20 кабельтовыхъ (до 10 верстъ) разстоянія.

Вѣроятно, чтобы пріучить насъ къ военнымъ дѣйствіямъ, насъ, гардемариновъ, водили въ тиръ учиться стрѣльбѣ изъ этихъ револьве-

*) Тутъ вѣроятно начали обостряться отношенія великаго князя Константина Николаевича къ И. А. Шестакову, изображенныя въ Запискахъ сего послѣдняго, только начало которыхъ, подъ заглавіемъ „Полвѣка обыкновенной жизни“, могло появиться въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г. (выпускъ 2-й). П. Б.

ровъ въ цѣль, и тамъ шла такая пальба, что, какъ называется, небу было жарко, и надо только дивиться, какъ мы при этомъ не перестрѣляли другъ друга.

Я попалъ на лодку „Шквалъ“ Гвардейскаго Экипажа. Лодкою этой командовалъ лейтенантъ Желтухинъ. Это былъ офицеръ-щеголь: кормовой Андреевскій флагъ изъ шелковой матеріи, вельботъ нѣжно-голубого цвѣта, каюта обитая розовымъ кретономъ, сама лодка, онъ самъ, все было щегольское. Весь отрядъ канонирскихъ лодокъ, числомъ до сорока, если не болѣе, былъ подъ командой командира Гвардейскаго Экипажа Мофета, который былъ въ большомъ фавѣрѣ у высшаго морского начальства; потомъ онъ вдругъ по какому-то случаю внезапно лишился этого фавѣра, былъ смѣненъ, замѣненъ вышеупомянутымъ Аркасомъ и даже уволенъ въ отставку.

Эти канонерскія лодки были по времени первыми паровыми судами нашего флота; назначеніе ихъ было наблюдать за непріятельскимъ флотомъ и оберегать проходъ на фарватерахъ. Но внезапно для нихъ предстало и болѣе серьезное поле дѣятельности.

4-го Августа 1854 года неожиданно, сигналомъ командующаго адмирала, было предписано шести лодкамъ отряда, а въ томъ числѣ и нашему „Шквалу“, сняться съ якоря и „слѣдовать за адмираломъ“.

Мы вышли въ море. Вдали за Толбухинымъ маякомъ виднѣлись силуэты непріятельскихъ судовъ. Мы шли прямо на нихъ, все ближе и ближе. Непріятельскіе корабли казались совсѣмъ близко: ясно видна была на ихъ палубахъ команда, высыпавшая вѣроятно лицезрѣть что затѣваютъ эти лиллипуты противъ ихъ Голіаѳовъ; сердце мое сильно билось, и вотъ изъ состава непріятельскаго флота отдѣлились два парохода-фрегата и пошли намъ на встрѣчу. На одномъ изъ пароходовъ-фрегатовъ вдругъ взвился бѣлый клубъ дыма, потомъ раздался звукъ выстрѣла. „Вотъ оно!“ думалось мнѣ, „это ядро убьетъ непременно меня“. Но скоро пришлось успокоиться: всплески по водѣ показали, что это ядро, какъ и послѣдующія, не долетѣло до насъ сажень на пятьсотъ. Мы однако благоразумно поворотили назадъ и стали, отстрѣливаясь, уходить обратно, но отстрѣливались жестоко. Непріятельскія суда, не доходя нѣсколько сажень до вѣхъ, обозначавшихъ минныя загражденія, очевидно, знавшіе ихъ расположеніе, повернули обратно, а мы во свояси на большой рейдъ. Подходя къ форту „Меньшиковъ“, мы обнаружили стоявшую близъ него Императорскую яхту „Александрія“ подъ брейдъ-вымпеломъ Государя. На яхтѣ взвился сигналъ: „Сколько убитыхъ и раненыхъ?“ Отвѣтъ „ни одного“. Адмиралъ былъ потребованъ

къ Государю. На каждую лодку было пожаловано по два Георгіевскихъ креста для нижнихъ чиновъ. Этимъ ограничились на этотъ разъ наши военныя доблести.

Заговоривъ о морскихъ дѣлахъ, я не могу удержаться отъ того, чтобы не высказать нѣсколько посильныхъ своихъ соображеній о настоящемъ нашемъ морскомъ положеніи.

Какъ извѣстно, въ настоящее время, послѣ печальной памяти Цусимскаго разгрома, и въ Государственной Думѣ, и въ Совѣтѣ, и въ печати, и въ общественныхъ кругахъ, идутъ большія словопренія о нашемъ флотѣ, о томъ, быть ему или не быть, а если быть, то какъ быть. Весьма далекій отъ мысли вдаваться въ эту полемику, я тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ подать и мой голосъ.

Какъ извѣстно, въ царствованіе Александра III-го, лично весьма любившаго флотъ и морское дѣло вообще, было обращено особое вниманіе на флотъ и его развитіе. Судостроеніе приняло за это время небывалые до того размѣры, часто не по средствамъ нашей государственной смѣты. Мы, что называется, надрывались сверхъ силъ, построили столько броненосцевъ разныхъ типовъ и ранговъ, что возмнили себя по крайней мѣрѣ третьей морской державой въ Европѣ. За невозможностію развертываться этому флоту въ такъ называемой Маркизовой Лужѣ и по неимѣнію въ ней какихъ-либо морскихъ задачъ кромѣ оборонительныхъ, весь этотъ флотъ направился въ Тихій Океанъ, гдѣ къ началу 90 годовъ мы приступили къ политикѣ, приведшей насъ къ Портъ-Артурской эпопеѣ. Послѣдствія этой политики и этой эпопеи достаточно извѣстны.

Мы потерпѣли подъ Цусимой такое морское крушеніе, подобнаго которому не знаетъ морская исторія: мы потеряли весь нашъ флотъ. Вдаваться въ подробное изученіе причинъ этой катастрофы здѣсь не мѣсто и не входитъ въ мою задачу. Меня занимаетъ лишь вопросъ, что же мы должны теперь дѣлать? Возсоздавать флотъ, хотя-бы въ томъ размѣрѣ какой мы потеряли подъ Цусимой? Спрашивается, за чѣмъ? Дальній Востокъ для насъ потерянъ; если скажемъ себѣ въ утѣшеніе не навсегда, то до весьма отдаленнаго будущаго, и дѣлать намъ теперь тамъ нечего. Для Балтійскаго моря такой флотъ также не нуженъ, и ему въ немъ также дѣлать нечего. Оставя финансовый расчетъ въ сторону, спросимъ себя, можемъ-ли мы помышлять о возстановленіи флота въ прежнемъ составѣ? Мнѣ кажется, что Цусимская катастрофа въ связи со всей исторіей вообще нашей прошлой войны съ Японіей и съ морскими въ ней дѣйствіями даетъ на этотъ вопросъ категорически-отрицательный отвѣтъ: „нѣтъ, не можемъ и не должны“. Не касаясь вопроса

о способахъ управленія бывшимъ нашимъ флотомъ, такъ какъ это завело-бы насъ слишкомъ далеко, мы, я думаю изъ уроковъ недавняго прошлаго должны бы были вынести одно несомнѣнное и интересное убѣжденіе, а именно, *что мы по природѣ своей не моряки*, а что Японцы, напимѣръ, въ противоположность намъ, несомнѣнные и при томъ природные моряки. Оставля въ сторонѣ Цусимскую катастрофу, а также и самолюбіе, которое въ данномъ случаѣ было-бы неумѣстно, мы должны признать, что всѣ столкновения наши съ Японцами на морѣ отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ доказываютъ съ непреложной логикой несомнѣнное ихъ превосходство передъ нами на морѣ. Не моряки мы, никогда ими не были и никогда ими не будемъ, прежде всего потому, что у насъ нѣтъ настоящаго моря, нѣтъ морского простора. Домогаться намъ сдѣлаться настоящими моряками, это все равно какъ еслибы Японцы вздумали создать у себя казачество подобное нашему: на это у нихъ нѣтъ естественныхъ условій, нашихъ полей и степей, какъ у насъ нѣтъ своего воднаго простора. Что мы не моряки, или по крайней мѣрѣ моряки не настоящіе, а лишь моряки, такъ сказать, по неволѣ, признавалъ между прочимъ одинъ изъ доблестныхъ капитановъ эскадры Рождественскаго, Гвардейскаго Экипажа капитанъ 1-го ранга Бухвостовъ, командиръ броненосца „Императоръ Александръ III-й“, погибшаго, какъ и остальные, подъ Цусимой. Его бесѣда передъ отправленіемъ эскадры съ А. С. Суворинымъ была описана въ свое время въ „Новомъ Времени“. Слова покойнаго Бухвостова дышали какъ-бы предчувствіемъ. Между прочимъ онъ говорилъ: „Мы идемъ драться съ Японцами, а *Японцы моряки настоящіе*“.

Никто конечно не дерзнетъ упрекать нашихъ моряковъ въ отсутствіи храбрости, самоотверженія и даже геройства. Всѣ эти качества достойно проявлены ими въ Японскую войну, какъ и проявлялись во всѣхъ нашихъ войнахъ вообще, и тѣмъ не менѣе повторяю, что прошлая Японская война несомнѣнно доказала, что для того, чтобы побѣждать на морѣ, въ настоящее время, при современной морской technikѣ, этихъ качествъ недостаточно, а требуются еще другія, спеціально свойственныя самой природѣ людей, морскія качества, которыхъ мы природою лишены, и что Японцы въ этомъ отношеніи имѣютъ передъ нами несомнѣнное преимущество.

Такъ было и во всѣ прошлыя наши военныя дѣйствія на моряхъ. Мы знаемъ отдѣльные подвиги геройства въ родѣ брига „Меркурія“ знаемъ Синопскій бой; но также знаемъ, что Черноморскій флотъ въ войну 1854—55 г.г. долженъ былъ затопить свои корабли, а доблестные экипажи его покрыли себя неувядаемою славой на сухомъ пути, при

защитѣ Севастопольскихъ стѣнъ, а герои этого флота Нахимовъ, Корниловъ и другіе пали на сушѣ.

Нельзя отвергать, что флотъ нашъ знаетъ и нѣсколько извѣстныхъ мореплавателей изъ своей среды; но достойно замѣчанія, что всѣ они, Крузенштернъ, Литке, баронъ Врангель, Белингаузенъ были иностранцы.

Море не родная стихія для истинно-Русскаго человѣка, и его невольно влечетъ къ берегу. Лучшіе адмиралы наши, поплававъ нѣкоторое время и выплававъ цензъ, всегда охотно стремились къ береговому мѣстечку. Изъ нашихъ Ярославцевъ, Костромичей, Вологжанъ, при врожденной Русской смѣтливости и свойственной имъ лихости, выработывались лихіе матросы, въ особенности въ прежнее парусное время, когда требовались лихіе „марсовые“: но взгляните на этого матроса гдѣ нибудь въ заграничномъ порту и сравните его съ матросомъ Англійскимъ, Американскимъ, Японскимъ, Французскимъ, даже съ Германскимъ, и вы сразу подмѣтите разницу: одинъ матросъ, а другой морской солдатъ.

Мало-мальски морской обликъ пріобрѣтаютъ наши команды лишь послѣ двухъ-трехъ лѣтъ заграничнаго плаванія; отправляются же они туда прямо таки переодѣтыми въ морскую куртку Ярославцами. Надо сказать, что это, заимствованное извнѣ, морское обличіе наши команды скоро и утрачиваютъ послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія въ Кронштадтѣ и внутреннемъ плаваніи. Справедливость этого, я думаю, подтвердить всякій добросовѣтный командиръ корабля.

Для вѣщаго доказательства этихъ положеній не зачѣмъ уходить далеко: сошлюсь на ближайшую нашу сосѣдку Финляндію. Финляндцы по самой природѣ своей, рожденные на приморскихъ скалахъ, островахъ и окруженные шхерами, несомнѣнные моряки. Тотъ незначительный торговый флотъ, который мы имѣемъ—Финляндскій, и только флагъ на немъ Русскій, шкипера на его судахъ Финляндцы, команды Финскія. И какъ казалось бы ни странно это, единственное пароходство наше въ столицѣ, на Невѣ, Финляндское. Военный флотъ нашъ считалъ въ средѣ своей значительный процентъ весьма дѣльныхъ адмираловъ и капитановъ Финляндцевъ. Адмиралъ Авеланъ, по моему мнѣнію, въ счетъ идти не можетъ: онъ нисколько не виноватъ въ томъ, что изъ весьма хорошаго капитана корабля его возвели на совершенно неподходящій для него постъ морского министра.

Коснувшись Финляндіи, я далеко отъ мысли возбуждать столь животрепещущій нынѣ Финляндскій вопросъ, но не могу не высказать по этому поводу, что слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что собираются

напр., изъять лоцманское вѣдомство въ Финскомъ заливѣ изъ рукъ Финляндцевъ и передать его въ наше морское вѣдомство. Грѣшный человѣкъ, не желая быть пророкомъ, я думаю, что отъ такой передачи плаваніе въ этихъ и безъ того предательскихъ шхерахъ станетъ еще менѣе безопаснымъ. Тоже, я думаю, случилось-бы, еслибъ наши націоналисты потребовали изъять изъ рукъ Финляндцевъ пароходство по Невѣ и передать его въ Русскія руки. Увѣренъ въ томъ (и все по той же причинѣ и не думая задѣвать національное самолюбіе) что случаи рѣчныхъ аварій превзошли бы тѣ, которые причиняются трамваями и автомобилями на Петербургскихъ улицахъ.

И такъ, мы не моряки по природѣ. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ-ли, что мы должны отказаться отъ всякой мысли возобновленія какого-либо флота и поставить на это дѣло крестъ? Очевидно нѣтъ. Мы не перестали быть первою Европеекой державой: кое-какія морскія границы мы имѣемъ, ихъ необходимо защищать. И вотъ лишь въ смыслѣ этой защиты намъ нужно стремиться возобновить нашъ флотъ. Какой? Подводный, крейсерскій, это дѣло специалистовъ, и входитъ въ детали этого спорнаго вопроса, и при томъ очень сложнаго, я не беруся. Но тѣмъ не менѣе, думаю, что постройка четырехъ дреднаутовъ, идущая столь болѣзненно въ настоящее время, а за ней можетъ быть и остальныхъ, нисколько не обезопаситъ наше морское побережье. Въ постройкахъ этихъ дреднаутовъ мы никоимъ образомъ не угонаемся ни за Англіей, ни за Германіей, ни за Японіей, возможными нашими противниками въ будущемъ. Съ этими дреднаутами мы не будемъ знать что дѣлать, такъ какъ имъ просто негдѣ развернуться на нашихъ Кронштадскихъ рейдахъ, и они легко могутъ повторить исторію съ крейсеромъ „Россія“, длина котораго, замѣтимъ, несравненно менѣе современнаго дреднаута, который, какъ только вышелъ изъ Невскаго фарватера, такъ приткнулся на мель около форта „Меньшиковъ“ и простоялъ во льдахъ чуть не полгода. И предстоитъ этимъ дреднаутамъ, на подобіе прежнихъ нашихъ броненосцевъ, по пяти мѣсяцевъ въ году мерзнуть затертыми во льдахъ и занесенными снѣгами въ Кронштадскихъ гаваняхъ, что само собою производитъ самое убійственное, удручающее впечатлѣніе и способно убить и послѣднюю морскую энергію. Нельзя также и не пожалѣть столь трудно добываемыхъ народныхъ милліоновъ, которымъ, казалось-бы, предстояло иное, болѣе производительное, направленіе.

18 Апрѣля 1910 г.

А. Рембелинскій.

